

О НОВГОРОДСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Хронологической полемике посвящено много археологических статей. Обычно они написаны спокойно: хронология редко вызывает страсти. Статья Б. А. Рыбакова отличается повышенной страстностью и в связи с этим резкими выпадами. Это тем удивительнее, что предложенные им хронологические поправки невелики, от 20 до 70 лет, да и то не для всех новгородских ярусов. Для части ярусов он принимает хронологию Б. А. Колчина и мою.

Ответную статью я должен начать с характеристики самого понятия «ярус», иначе предмет спора останется для читателей неясен. Замечу попутно, что Б. А. Рыбаков напрасно ищет какую-то разницу между употребляемыми Новгородской экспедицией терминами «строительный ярус» и «ярус». Это одно и то же. Первый термин предложен мною еще в 1951 г., а при полной публикации грамот я и теперь иначе не пишу. Второй термин является простым сокращением. В этой статье, где особенно надо беречь место, употребляю только второй термин.

Ярус — это культурный слой, выросший на территории раскопа за время существования одной мостовой. Все сооружения, построенные за это время, относятся к тому же ярусу. После настила новой мостовой начинался рост нового яруса. Конечно, в разных местах толщина яруса разная. Кое-где она превышает толщину мостовой, кое-где она значительно тоньше.

Своего рода градусником, связующим все горизонты культурного слоя, являются уличные мостовые. На этот градусник проецируются все постройки и находки.

Б. А. Рыбаков говорит, что термин «ярус» в том же смысле употреблялся еще Н. И. Репниковым в 1911 г. Нет, Н. И. Репников с подобными ярусами дела не имел, у него даже мостовых не было.

Тому, кто не бывал на новгородских раскопках, может быть и не вполне ясно, почему все (или, точнее, почти все) находки удается связать с тем или иным ярусом: ведь прямой связи с сооружением находка может и не иметь. Дело в том, что количество бревен, тесин, палок и прослоек щепы при раскопках так велико, что это дает ориентиры для связи с ярусами. Помогают и многочисленные прослойки навоза, оставшиеся от хлевов и конюшен (они покрывали пол этих сооружений), глина, песок, угли и т. д.

Рост яруса продолжался до тех пор, пока мостовая улицы не оказывалась ниже общего уровня. Тогда возникала необходимость ее подъема, т. е. настила новой мостовой.

Понятие «ярус», будучи связано с деревянными постройками, не вполне совпадает с обычным археологическим понятием «горизонт», но различие здесь неглубоко. Выступая с докладами о Новгороде по-французски (в Риме и в Париже) и по-английски (в Лондоне), я вынужден был переводить слово «ярус» словом «горизонт» (иначе не сумел).

Средняя толщина яруса равна примерно толщине мостовой, т. е. сумме размеров лаг и плах. На таблице (рис. 1) приведены средние мощности

ярусов, определенные на прямой линии квадратов в 80 м (до изгиба Великой улицы).

Несколько раз Б. А. Рыбаков выставляет в качестве одного из своих главных аргументов рассуждение о периодах процветания и периодах упадка, которое должно убедить читателя, будто периодичность смены мостовых находится в прямой зависимости от политических условий. Для XIII в. (а это, конечно, было тяжелое время) он предполагает «пренебрежение к мостовым» (стр. 104). Такое пренебрежение могло иметь место только в том случае, если бы в мощении улиц действительно был перерыв.

<i>Ярусы</i>		28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3
<i>Мощность культурного слоя в см</i>																											
		20	16	17	16	17	19	16	17	17	18	18	13	14	16	22	19	23	18	20	25	27	28	27	23	18	15
<i>Хронология Б. А. Рыбакова</i>	<i>Длительность наслаения вычисленная по пожарам (бгбддд)</i>							64	17	17	56	32	12	29	2	52	20	57									
	<i>Века</i>	X		XI		XII			XIII			XIV				XV											
<i>Хронология Новгородской экспедиции</i>	<i>Века</i>	X		XI			XII			XIII				XIV			XV										

Рис. 1. Мощьность ярусов и различия между хронологиями

Между тем в Новгороде не найдено пока ни одной мостовой, которая своими лагами не опиралась бы на плахи предыдущей мостовой. Следовательно, не может быть отмечено ни одного случая, когда мостовая оказывалась в пренебрежении: ее поддерживали до того времени, когда появлялась необходимость ее замены.

Эта необходимость во всех случаях связана только с ростом культурного слоя. Если бы шкала Б. А. Рыбакова была правильна, пришлось бы говорить не о пренебрежении к мощению улиц, а о замедленном росте культурного слоя. По Б. А. Рыбакову получается, что в XIII в. культурный слой увеличивался в два-три раза медленнее, чем, скажем, в XII или XIV в. Однако нельзя предполагать безлюдье в Новгороде XIII в. Ведь он не был захвачен врагами, ведь, конечно, он укрыл в своих стенах беженцев из центральной и южной Руси.

Толщина яруса определяется, как уже сказано, толщиной плах и толщиной лаг. Эти две величины долго были в общем неизменными. В XIV в. плахи стали более мощными. Для замены мостовой требовалось теперь не 20 в среднем лет, а уже лет 25—30. Этим и объясняется меньшее число ярусов в XIV в., удивляющее Б. А. Рыбакова.

Б. А. Рыбаков думает почему-то, что его хронология хорошо согласуется с расцветом Новгорода в XIV в. (о самом расцвете спорить нечего, я тоже считаю, что он приходится на XIV в.). Нет, совсем не это утверждает он, нагромоздив в XIV в. больше всего ярусов. Поскольку причиной смены ярусов у него здесь являются пожары, получилось, что признаком процветания города является обилие пожаров.

Весьма любопытным кажется оперирование цифрами в рассуждении Б. А. Рыбакова о строительных периодах. Устанавливая эти свои периоды, он отмечает, что в первом было построено 42 дома, во втором — 28, в третьем — 20—32, а вот в промежутке между первым и вторым периодами, во времена якобы упадка «дома строились примерно по 4—5 в десятилетие» (стр. 105). Если бы Б. А. Рыбаков привел эти цифры к одному знаменателю, ему пришлось бы отметить, что во время, отнесенное им к упадку (14-й — 15-й ярусы), было построено 35 срубов, т. е. в каждом ярусе больше, чем в любом из ярусов периодов процветания.

Между тем, если принять нашу новгородскую хронологию, предположенное Б. А. Рыбаковым замедление строительства во второй половине

XIII в. подтверждается не на фиктивных, а на подлинных цифрах. Действительно, количество вновь построенных срубов распределяется по ярусам так:

15-й ярус, рубеж XII—XIII вв.	— 23 сруба
14-й ярус, начало XIII в.	— 12 срубов
13-й ярус, первая половина XIII в.	— 21 сруб
12-й ярус, середина XIII в.	— 7 срубов
11-й ярус, вторая половина XIII в.	— 13 срубов
10-й ярус, рубеж XIII—XIV вв.	— 8 срубов
9-й ярус, первая половина XIV в.	— 19 срубов
8-й ярус, середина XIV в.	— 19 срубов

Читателю видно, что, если искать период упадка, связанный с монгольским нашествием, то для этого не требуется создание новой хронологии.

О периоде расцвета и периоде упадка можно больше не говорить.

Ярусы дают стратиграфию Новгорода. Однако Б. А. Рыбаков заявляет, что «стратиграфии в статье Б. А. Колчина нет» (стр. 84). Доказательством служит отсутствие в издании профилей. Да, их нет там. Рисунок 51 не служил заменой профилей, но и вообще он оказался неудачным, что Б. А. Колчин теперь признал. Но основная часть статьи Б. А. Колчина посвящена именно стратиграфии Неревского раскопа (стр. 50—115). Здесь подробно и последовательно рассмотрены по ярусам наложения культурных напластований от современной поверхности до материка.

В ИИМК в Отделе полевых исследований хранится более ста профилей с подробными описаниями, выполненные Новгородской экспедицией на Неревском раскопе (они представлены при отчетах). Генеральные профили в Новгороде составляются через каждые 10—20 м.

Во многих стоянках, городищах и городах при плохой сохранности построек основой стратиграфии являются профили. Но в Новгороде стратиграфия определяется не столько разрезом в каком-то условном месте, сколько многочисленными (сменяющимися друг друга) планами мостовых и связанных с ними сооружений.

В этом отношении Новгород похож на города греческие и римские. Там ведь планы тоже стратиграфически важнее, чем профили. Нашим деревянным срубам и настилам там соответствуют каменные кладки и вымостки. Но там все-таки много ям, а в Новгороде и их очень мало.

Итак, профили Новгородская экспедиция составляет, как любая другая экспедиция, только имеют они у нас меньшее значение, благодаря обилию настилов и срубов. Я согласен, что некоторые профили надо опубликовать, но не как основу стратиграфии, а лишь как дополнительные аргументы.

Б. А. Рыбаков бросает Новгородской экспедиции странный упрек, связанный с тем, что раскопки идут у нас не только по ярусам, но и по пластам (пласт — горизонтальный срез толщиной в 20 см). Он говорит: «Существование в Новгородской экспедиции такой громоздкой и неточной системы, восходящей к методике XIX века — копать на одну лопату — может быть объяснено только одним — стремлением ускорить процесс раскопок» (стр. 86). Такого стремления нет: копать только по ярусам было бы быстрее. Постоянное выравнивание пластов после нивелирных проверок требует лишнего времени, равно как и ведение двойной отчетности (по пластам и по ярусам). Но пласты дают точные вертикальные координаты (о XIX в. и о лопатах, которые здесь вообще не при чем, Б. А. Рыбаков вспомнил лишь для красного словца). Когда нам при раскопках встречаются отдельные прослойки щепы, навоза и т. д., отдельные срубы и т. д., мы не всегда заранее знаем, имеем ли мы дело с признаками нового яруса или нет. Это выясняется в процессе работы, через день, через два или даже позднее. Ведение раскопок только по ярусам вносило бы ежедневно элемент субъективности. Паспорта многих находок, будь они написаны только по ярусам, пришлось бы с каждым уточнением менять, что практи-

чески невозможно. Удобнее писать паспорта сначала по пластам (впрочем, часто на них отмечают и ярусы), а потом составлять особые таблицы для перевода пластов в ярусы.

Наш критик цитирует мое заявление о том, что такой перевод «потребовал очень сложных расчетов, продолжавшихся несколько месяцев». Он неверно понял эти слова. Речь шла лишь о раскопках 1952 г. Да, тогда такие сложные расчеты были нужны, поскольку разобраться в ярусах удалось, конечно, не сразу. Сложность новгородского слоя потребовала некоторого времени для создания соответственной методики. Теперь перевод пластов в ярусы делается гораздо проще и быстрее, в процессе раскопок.

Много полемического пыла Б. А. Рыбаков потратил на поиски какой-то магической формулы, по которой якобы была рассчитана новгородская хронология. Оказалось, что такая формула существует и состоит из элементарного выражения $15 : 3 = 5$. Я и Б. А. Колчин впервые узнали о существовании формулы и крайне сожалеем, что не знали ее раньше, ибо были бы избавлены от продолжительной и трудной работы по составлению новгородской хронологии. Но эта хронология составлялась не по формулам и графикам, а на основе изучения всех наслоений и находок. Изложение археологических аргументов, которые имеются в печатных статьях Б. А. Колчина, но не разобраны Б. А. Рыбаковым, заняло бы здесь десятки страниц. Б. А. Рыбаков признал даты Б. А. Колчина и мои для ярусов 1-го — 8-го. Его здесь убедили грамоты, адресованные посадникам. Но он неоднократно утверждает, будто и мы только на этом основываемся. Таким путем он открывает мнимое злодейство Б. А. Колчина, восклицая: «Секрет этой прямолинейности очень прост — вспомним, какие находки послужили опорными точками при определении рубежей столетий: во-первых, клад 970-х годов, найденный в 27-м ярусе, и, во-вторых, грамота Онцифора 1350-х годов, найденная в 8-м ярусе» (стр. 101). Дальше именно отсюда Б. А. Рыбаков выводит вышеупомянутую формулу $15 : 3 = 5$. Но ведь эти слова об опорных точках неверны. Клад и грамота Онцифора (а также Юрия Онцифоровича) найдены лишь в 1953 г., а рукопись моей книги «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.)» была сдана в ИИМК 16 июня 1953 г., т. е. еще до раскопок. Там уже тогда в ряде мест 8-й ярус был отнесен к середине XIV в., а 6-й (где потом нашли грамоту Юрия) — к рубежу XIV—XV вв. О 27-м ярусе (где грамот нет) там ничего не сказано, но он и тогда был отнесен к X в., что ясно из других дат. Находки 1953 г. явились не основанием, а подтверждением хронологии, подобно тысячам позднейших находок, в том числе некоторым новым грамотам с именами посадников.

Затем Б. А. Рыбаков открыл еще некую «формулу А. В. Арциховского ($\frac{600}{28}$)», по которой якобы тоже делает свои расчеты Б. А. Колчин. Никакой такой формулы нет. Просто я, имея готовую хронологию (а 28 ярусов вместе занимают 600 лет), написал, что средняя длительность яруса 20 лет с небольшим¹. Никто никогда не делал никаких научных выводов на основе этого непритязательного деления.

На чем же Б. А. Рыбаков основывает свои даты? Только на пожарах. А ведь это совсем не основание.

Сначала мы, сотрудники Новгородской экспедиции, думали, что пожары в какой-то мере можно привлекать, когда абсолютная хронология уже имеется и надо ее немного уточнить. Для этого Б. А. Колчин подобрал несколько летописных пожаров, но увлекся. Отсюда и его даты с точностью до дня и часа. Я в своих книгах о грамотах вообще не привожу дат с годами пожаров, а ограничиваюсь римскими цифрами веков, с дополнениями: начало, первая половина, середина, вторая половина, конец, рубеж. Б. А. Рыбаков на пожарах основал все.

¹ А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, 1956. стр. 17.

Летописные упоминания о пожарах не дадут никакой археологической хронологии по трем причинам.

Первая причина. Были ведь пожары местные, маленькие по территории, хотя для этой территории тоже истребительные. Сгорало несколько домов. Средневековые люди, в том числе новгородцы, умели все-таки бороться с распространением огня, хотя и терпели часто в этой борьбе поражения. Новгородская летопись прямо говорит о такой борьбе. Для большого по территории пожара требовалось сочетание засухи и сильного ветра. При слабом ветре для сильного огня непреодолимым препятствием служил обычный огород, а их было много. Наконец, мог начаться проливной дождь и потушить пожар. Вспомним новгородский дождливый климат. В летопись такие случаи никогда не вносились, а археологический след на нашем участке могли оставить очень значительный. Б. А. Рыбаков пытается датировать все пожары, не зная их размеров, по летописям. Оба Бориса Александровича этим занимаются, но Б. А. Колчин с меньшим вредом, поскольку его хронология покоится на других основаниях.

Вторая причина. Огромные пожары, занесенные в летопись, о силе которых говорит Б. А. Рыбаков, никогда или почти никогда не выжигали город сплошь или даже большими сплошными кусками. Сады и огороды занимали значительные пространства. Это доказано новгородскими геологическими промерами, не обнаруживающими культурного слоя на ряде участков почти вовсе, даже в центральных районах города. Из-за этих препятствий отдельные жилые кварталы сохранялись. Все города в подобных случаях выгорали пятнами. Возьмем самый знаменитый пожар в истории человечества, Московский пожар 1812 г. Те же сады и огороды сохранили много жилых кварталов. В пустыне пожарища были уцелевшие оазисы. Возьмем самый сильный пожар в истории человечества, Лондонский пожар 1666 г. Много каменных церквей рухнуло. Однако остались такие же оазисы.

Но Б. А. Рыбаков напоминает, что огонь переходил даже через Волхов. При обилии деревянных кораблей это не так удивительно («много товара погоре на Волхове в лодьях», 1267 г.)². Но это не основной путь. Б. А. Рыбаков говорит о двух случаях перехода огня через Волхов — в 1299 г. и в 1340 г. Но оба раза сгорал Великий мост. По нему, очевидно, огонь и переходил. Эта масса дерева превращалась в огромный факел. Под 1299 г. сказано: «мост Великий огонь зайал»³. Под 1340 г. сказано: «а Великий мост сгоре всь по воду»⁴.

Третья причина. После пожаров приходилось выравнивать поверхность. Этнографически это всегда наблюдается. После сильных пожаров рельеф настолько неровен, что перед новым строительством надо все срыть. Конечно, после глубоких нивелировок кое-где оставались скопления угля и золы, но смещенные. Тогда нельзя установить пожарную прослойку.

Итак, вся предлагаемая Б. А. Рыбаковым хронология основана на трех ложных постулатах: 1) всякое пожарище является якобы следом большого пожара, занесенного в летопись; 2) всякий большой пожар, касавшийся Неревского конца, доходил якобы до всех его частей; 3) слои всех пожаров якобы можно проследить при раскопках. Если эти постулаты убрать (а их надо убрать), ничего от этой хронологии не останется.

Может быть, меня упрекнут в недоверии к летописям. В летописи я верю и в летописные известия о пожарах тоже верю, а вот основанной на них хронологии слоев доверять нельзя.

Б. А. Рыбаков должен был бы доказать самую допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами. Но он этого вопроса даже не касается. Можно ли нагляднее выставить произвольность выводов?

² Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 85.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 352.

Оказывается, можно. Б. А. Рыбаков идет дальше. Он сопоставляет крупные и мелкие пожарища с сильными и слабыми пожарами. Но ведь сила древнего пожара всегда неизвестна. Поэтому Б. А. Рыбаков непосредственно связывает мощность пожарного слоя со степенью красноречия того или иного летописца. Если летописец писал просто и лаконично, значит слой золы и угля остался тонкий, если рассказ подробен и красочен, значит слой толще.

Предложен тут же и другой способ оценки силы огня: если пожар начался далеко, значит в Неревском конце он был слаб, и наоборот. Но огонь слишком капризная стихия, чтобы подчиняться подобным законам. Легкая искра, занесенная издалека, могла при подходящих условиях быстро превратиться в море огня, в то время как в месте первоначального возгорания пожар мог быть скоро подавлен.

Оба способа определения силы огня таковы, что все линии на соответственной диаграмме надо признать проведенными произвольно. Однако Б. А. Рыбаков этой своей диаграммой настолько доволен, что говорит: «Следовательно, проверка увенчалась полным успехом» (стр. 97). При такой методике она не могла не увенчаться.

Имеются и отдельные ошибки в топографии пожаров. Но они не имеют особого значения при неверности основных предпосылок. Однако одной ошибки надо коснуться.

Б. А. Рыбаков пишет: «Б. А. Колчин вынужден был поступиться истиной — он не упомянул в своем тексте о том, что огонь пожара шел от Розважи к «даже и до святого Якова», т. е. должен был пройти через место раскопок» (стр. 101). Речь идет о пожаре 1340 г. Летописный текст (выше цитируемый самим Б. А. Рыбаковым) гласит: «загорется на Розважи улицы в поли, за святым Федором, и погоре Неревский конец даже и до святого Якова»⁵.

Итак, пожар начался где-то близ церкви Федора. Слова «за Федором» могут означать только «по ту сторону Федора» (если смотреть из центра), а это для построений Б. А. Рыбакова еще хуже. Доныне стоящая церковь Федора находилась на Розваже улице. Церкви Федора и Якова отмечены на плане Б. А. Рыбакова, но он провел между ними не прямую линию, а сложно-изломанную, ровно вдвое длиннее. Иначе эта линия не проходила у него через место раскопок, т. е. через пересечение Великой улицы с Холопьею и Кузьмодемьянской (направление стрелок на плане тоже неверное). Но читатели сами проведут эту линию и убедятся, что пожар, остановившийся у Якова, едва ли дошел до раскопок. Б. А. Рыбаков, кажется, думает, что пожар прошел именно здесь в Детинец и за Волхов. Однако в Детинец огонь попал тогда не из Неревского конца, а из Загородского (с Чудинцевой улицы), о чем летопись говорит точно. За Волхов он перекинулся по мосту (см. выше), тем более, что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий).

Наш критик упрекает меня теперь в изменении отношения к пожарам и цитирует мои старые слова: «Летописные даты пожаров позволили уточнить абсолютную хронологию». Собственно говоря, и тогда речь шла лишь об уточнении дат, основанных на других данных (прием Б. А. Колчина, противоположный приему Б. А. Рыбакова). Но не буду за это целляться. Отказываться от неверных взглядов всегда полезно. Именно разбор грубых ошибок Б. А. Рыбакова по этому вопросу убедил меня в том, что и Б. А. Колчин неверно использовал пожары, а я напрасно с ним здесь согласился. Попытки прямо датировать пожарища по историческим пожарам всегда заманчивы, но всегда обманчивы. Это опасное упрощение хронологической методики.

Хронология Б. А. Рыбакова покоится только на пожарищах. Других оснований у него нет. Он пытается говорить о проверке по другим источ-

⁵ Новгородская первая летопись, стр. 351.

никам и о полученных при этом совпадениях. Насчитывает их он целых пять (стр. 99). Все эти совпадения мнимые (см. выше для пункта 1, см. ниже для остальных пунктов).

Прилагаю график (рис. 2), на котором изображены две кривые скорости роста культурного слоя: по Новгородской экспедиции и по Б. А. Рыбакову. Наглядно видно, что стремление Б. А. Рыбакова ввести в хронологию все полюбившиеся ему пожары привело к чудовищным и необъяснимым скачкам.

В итоге этих скачков 9-й ярус существовал, по Б. А. Рыбакову, всего два года, от пожара 1340 до пожара 1342 г. Но в нем не меньше находок, чем в других ярусах. 15-й ярус, по Б. А. Рыбакову, существовал

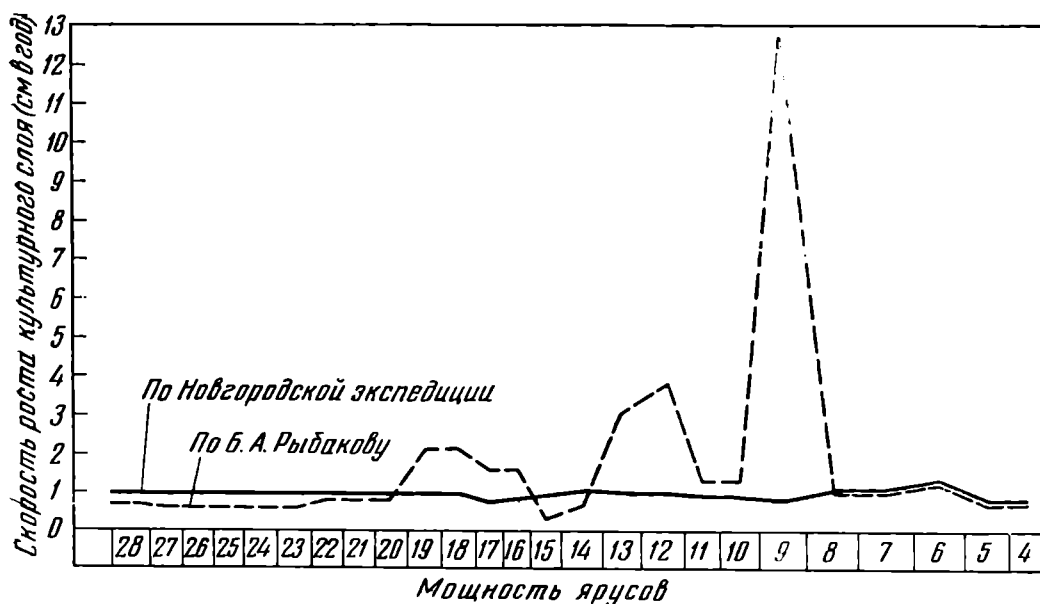


Рис. 2. Скорость роста культурного слоя

целых 56 лет, от пожара 1211 до пожара 1267 г. Но в нем не больше находок, чем в других ярусах. Примером могут быть ножи (этот пример можно заменить любым другим). Никто не скажет, конечно, что все ножи потеряны во время пожаров. Все археологи знают, что такое нормальные находки в нараставшем культурном слое. Да ведь, кроме потерянных ножей, много выброшенных. Сколько там сточенных ножей, сколько поломанных. И вот, в 9-м ярусе, существовавшем якобы два года, накопилось 69 ножей (по 35 в год). В 15-м ярусе, существовавшем якобы 56 лет, накопилось 55 ножей (по одному в год)⁶. Подобные примеры можно привести и по другим ярусам.

Что касается потолочных подсыпок, на которые Б. А. Рыбаков возлагает такие большие надежды (тот же 9-й ярус, по его объяснению, вырос на 25 см за два года только благодаря этим подсыпкам), то и они ему ничем не помогут.

Прежде всего о самих потолочных подсыпках. Этнографы в Новгородской земле знают только обмазку потолков глиной, а не засыпку землей. Все же возможно, что в древнем Новгороде потолки засыпали. Но чем? Б. А. Рыбаков считает, что на потолки новгородских домов вываливали (для одного яруса) «около 100 кубометров культурного слоя со всеми содержащимися в нем пряслицами, бусами и обломками стеклянных браслетов» (стр. 88). Он не говорил бы так, если бы знал со-

⁶ Б. А. Колчин. Металлообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 48.

став культурного слоя в Неревском раскопе. Это необыкновенно влажная земля, смешанная с навозом, щепой, кусками дерева и т. д. Следовательно, прежде чем эту землю насыпать на потолок вместе с сухими листьями и сухим мхом (стр. 87), ее нужно было специально приготовить, т. е. высушить, размельчить и очистить от гниющих предметов, т. е. перебрать руками. Вполне понятно, что из нее выкидывали посторонние предметы. Новгородцы знали, что потолочная подсыпка удержит тепло только в том случае, если она будет сухой, рыхлой и воздушной. Итак, бусины и браслеты могли попадать на чердак лишь в виде исключений. Тем более не могли попадать такие предметы, как ножи, а о них только что говорилось.

Но предположим, что Б. А. Рыбаков прав, что на чердаках оказывались все предметы, находившиеся в земле. Что за этим следовало? За время жизни дома вокруг рос культурный слой. Внутри дома он не рос. Во время гибели или разборки дома потолочная подсыпка вместе с коллекцией древностей попадала в котлован, образовавшийся внутри стен, т. е. возвращалась на тот же горизонт, с которого была взята (брать ее могли только с поверхности, так как из-за влажности новгородцы избегали копать ямы, что хорошо доказано раскопками). Интересно и то, как Б. А. Рыбаков подсчитывает свои огромные массы потолочных подсыпок. Это основано на том, что толщина подсыпки будто бы равняется 25—30 см. За этой цифрой следует ссылка на этнографические труды, где, однако, цифр нет. Вес можно рассчитать по строительному справочнику. При такой толщине вес земли на новгородской избе (площадь которой от 20 до 120 м²) составлял бы от 10 до 60 тонн. Под такой тяжестью потолок рухнул бы.

В своих докладах на секторе и на пленуме Б. А. Рыбаков вовсе не привлекал археологические вещи для подтверждения хронологии. Теперь он составил график № 3, единственный документ, где оперирует этими вещами. Туда он внес материалы 14 таблиц Б. А. Колчина. Но у того цифры отражают поярусную историю вещи, т. е. время ее появления, быстрого или медленного распространения, наибольшего бытования, быстрого или медленного исчезновения и, наконец, выхода из употребления. Б. А. Рыбаков просто проводит прямые линии между крайними датами. Положение этих линий на графике определяется четырьмя данными: время появления и исчезновения вещи, ярус ее появления и исчезновения. На оси ординат отложены ярусы, на оси абсцисс — века. В паутине линий графика важны только те, которые находятся на краях этой паутины. Их пересечение с линиями рубежей столетий служит Б. А. Рыбакову для хронологических выводов. Вполне очевидно, что точность таблицы целиком зависит от правильного воспроизведения всех четырех данных, на основании которых построена каждая наклонная линия; достаточно изменить одно из четырех показаний, чтобы линия заняла на графике иное положение и точки ее пересечения с линиями столетий изменились. Проверим эти данные.

Б. А. Рыбаков здесь пишет: «...а даты будут отражать мнение археологов, занимавшихся ранее датировкой этих вещей по другим, не новгородским комплексам» (стр. 89). **Каких археологов? По каким комплексам?** Автор обязан был это сказать. В 20 случаях из 28 он просто берет даты, приведенные Б. А. Колчиным. В других случаях он дает новые даты без аппарата и без доказательств. После этого он еще решается говорить: «...моим критикам не нужно будет доискиваться истинных оснований моей шкалы — все основания ее изложены выше» (стр. 103).

В большинстве случаев Б. А. Рыбаков даты расширяет (что ему удобнее), кроме нижней даты калачевидных кресал, которую ему для построения графика необходимо повысить. Их появление он датирует началом XI в. (линия № 12), хотя они обильны в X в. Не станет же

Б. А. Рыбаков отрицать, что Гнёздовские курганы относятся к X в., а там таких кресал много⁷. Появились они в IX в. Примеры неправильного расширения дат даны будут ниже. Впрочем, хронология Б. А. Рыбакова вступает в противоречие и с теми датами вещей, которые он взял у Б. А. Колчина (пример тоже см. ниже).

В графике имеются и ошибки в ярусах находок (линии №№ 3 и 10).

Рассматриваемый археологический график Б. А. Рыбакова составлен на основании следующего странного постулата: «Мы можем, например, по тем частям диаграммы, где видно, что в некоторых ярусах сосуществуют вещи не двух, а трех столетий, провести через эти ярусы примерные рубежи столетий. Тогда мы получим следующее: 23-й ярус — рубеж XI и XII вв.; 18-й и 17-й ярусы — рубеж XII и XIII вв., а 14-й ярус — рубеж XIII и XIV вв.» (стр. 89).

Иными словами, для того чтобы обнаружить рубеж столетий, вовсе не достаточно появление характерных для нового столетия вещей. Скажем, вещи XII в. уже могут появиться в слое, но это еще ничего не значит; о рубеже XI—XII вв. мы сможем говорить только тогда, когда перестанут встречаться вещи X в. Да, десятого. Это не опечатка, такой принцип проведен последовательно. Но какое отношение к рубежу XI—XII вв. может иметь X в.? Это можно объяснить только мистикой чисел. То же самое автор проделывает с рубежами XII—XIII вв. и XIII—XIV вв. А как обстоит дело с рубежами X—XI вв. и XIV—XV вв.? О них автор умалчивает и умалчивает не потому, что у него на шкале их нет, а потому, что эти рубежи его не устраивают. Всех его натяжек здесь не хватает. Однако проведенные автором прямые позволяют нарисовать эти квадраты, определяющие рубежи. Рубеж X—XI вв. пройдет через 28-й — 25-й ярусы. Это для Б. А. Рыбакова слишком широкий диапазон. Упомянув однажды, что рубежи веков найдут «свое место на нижней границе появления вещей, что наиболее логично» (стр. 99), он должен будет признать 28-й ярус за рубеж X—XI вв. Рубеж XIV—XV вв. пройдет через 11-й — 8-й ярусы, что тоже для Б. А. Рыбакова неудобно.

Б. А. Рыбакову нужно во что бы то ни стало связать свою, основанную лишь на пожарах, хронологию с археологическим материалом. Прямые на своем чертеже, как уже показано, он проводит произвольно, но, надо сказать, совсем не бесцельно. Возьмем в виде примера калачевидные кресала (о них уже была речь). Если бы он провел линию кресал (линия № 12) согласно принятым датам, т. е. через X—XII вв., то нижняя граница рубежа XI—XII вв. прошла бы не через 23-й (как нужно автору), а через 21-й ярус, где названная линия пересечется с линией 1100 г., а на таких пересечениях построены все выводы графика. Вот почему появляется новая дата кресал: XI—XII вв. Границы рубежей изменятся, если мы исправим линию стеклянных браслетов (линия № 1), а это надо сделать (см. ниже). То же можно сказать и о других вещах, для которых Б. А. Рыбаков дает недоказанные даты.

Б. А. Рыбаков говорит, что «четкость ярусов в известной мере является фикцией» (стр. 88). Надо показать на некоторых примерах, что ярус в Новгороде является достаточно четким и осязательным понятием.

Приведу цифровые таблицы, в которых читатель увидит распределение по ярусам некоторых массовых археологических находок. Это лимонovidные бусы (321 экземпляр), бочковидные золоченые бусы (127 экземпляров) и стеклянные браслеты (4212 экземпляров). В таблицах имеется по два ряда цифр. Эти ряды показывают количество вещей по ярусам на разных раскопах. Подсчеты сделаны в разное время, разными сотрудниками экспедиции и, самое главное, на разных территориях Неревского раскопа.

⁷ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. СПб., 1902, стр. 56.

Начнем со стеклянных браслетов.

Ярус	20-й	19-й	18-й	17-й	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й	8-й
Раскопы I—XI	9	46	69	122	248	271	461	461	273	153	96	36	23
Раскопы XII—XX	—	—	4	94	176	328	460	450	183	124	65	44	16
Всего	9	46	73	216	424	599	921	911	456	277	161	80	39

На раскопах I—XI в 14-м и 13-м ярусах встречено 40% от общего количества браслетов. На раскопах XII—XX в тех же ярусах встречено 43%. Эта закономерность говорит сама за себя. Обе кривые правильны и одновершинны.

Боченковидные золоченые бусы.

Ярус	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й
Раскопы I—XI	1	2	3	4	8	7	6	5	1	1	3
Раскопы XII—XX	3	5	9	15	12	10	7	11	5	6	3
Всего	4	7	12	19	20	17	13	16	6	7	6

Основная масса в обоих случаях встречена в ярусах 25-м—21-м. По поводу самой даты можно (чтобы не возвращаться к этим бусам) сказать здесь, что она неоднократно доказана в археологической литературе. Это, как я печатно отмечал, типичнейшие бусы XI в., встречаемые, но реже, в X и в XII в. Так оно и выходит в этой табличке.

Лимоновидные бусы.

Ярус	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й
Раскопы I—XI	54	41	21	16	8	5	1
Раскопы XII—XX	64	42	35	16	7	8	3
Всего	118	83	56	32	15	13	4

Постепенное уменьшение цифр от 28-го яруса вверх совпадает в обоих рядах. Это типичные бусы X в. (см ниже).

Какими путями ни создавалась бы хронология, она должна непрерывно проверяться новыми археологическими находками, будь то массовый вещевой материал, будь то печати, грамоты и т. д. Важна проверка раскопками. Хронологическая шкала Новгородской экспедиции такую проверку новыми находками выдерживает уже ряд лет.

Основанный Б. А. Рыбаковым на пожарах вариант хронологии, по словам автора, «хорошо вписывается в широкие рамки массового археологического материала» (стр. 99). Стоит рассмотреть на примерах, как укладывается археологический материал в этот вариант.

Приходится подробно остановиться на хронологии стеклянных браслетов. Эти находки важны своей массовостью. Б. А. Рыбаков в своем графике дает для них фантастическую дату: с конца X до конца XIV в. Дата Б. А. Колчина — с рубежа XI—XII вв. до середины XIV в. Ее подтвердил В. В. Кропоткин, давший новейшее исследование об этих браслетах⁸.

Надо разобрать вопрос подробнее. Прежде всего никак не относятся к рассматриваемой теме (что уже отмечалось в печати В. В. Кропоткиным) ранние привозные браслеты византийских типов, да их и слишком мало. Они обычно плоски и имеют по внешней поверхности узор. В Новгороде они встречены в ярусах X—XI вв. (есть находка даже на материке), но всего от одного до трех экземпляров на ярус. Такое ничтожное количество находок даже не может быть отражено в прилагаемой диаграмме обычного масштаба. Туда включено 4212 стеклянных браслетов. Это огромное количество составляют обычные русские браслеты. Они отличаются от византийско-черноморских не только типологически, но и по составу стекла, что для Новгорода доказано Ю. Л. Щаповой.

⁸ В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 40, 42.

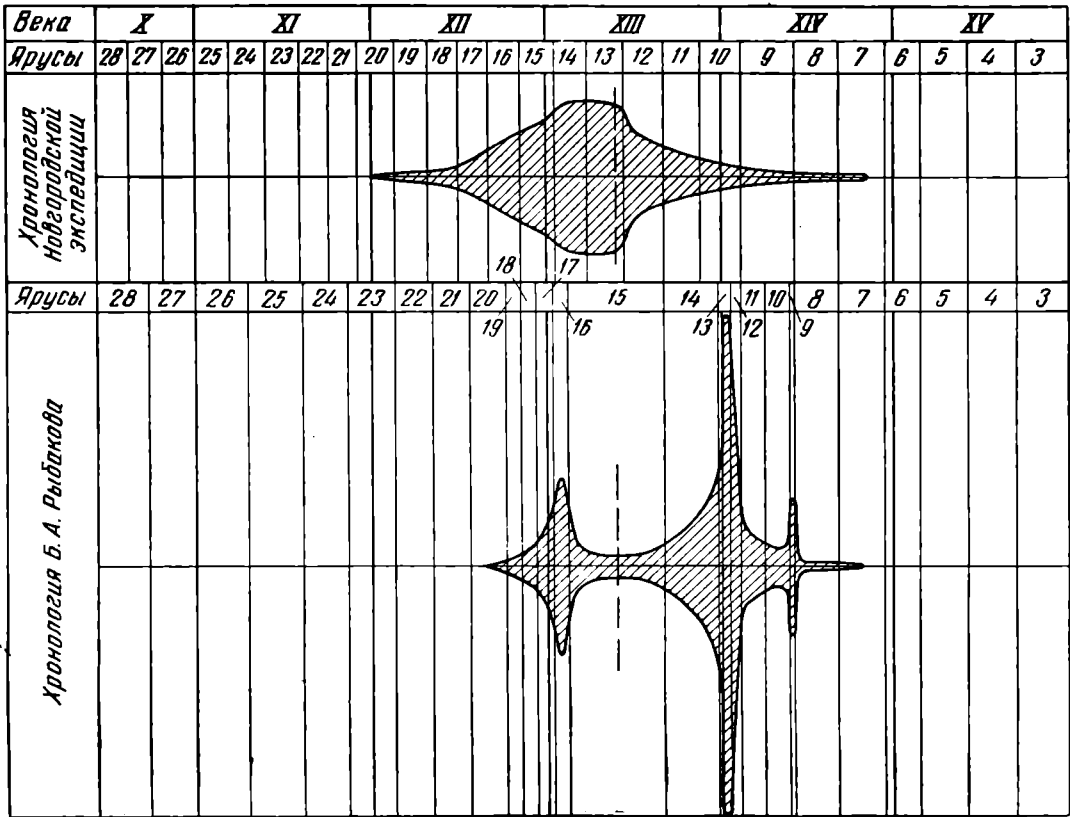


Рис. 3. Стратиграфия и хронология стеклянных браслетов

Свою раннюю дату Б. А. Рыбаков обосновывает так: «Как известно, в южнорусских городах стеклянные браслеты появляются на рубеже X и XI вв.» (стр. 88). Дана ссылка на работу Л. А. Голубевой. Но там речь идет о стеклянных браслетах в двух погребениях (раскопки прошлого века), время которых неясно. Да две находки ничего и не дают для даты массового распространения и возникновения русского производства. О ней ведь идет речь.

Однако Б. А. Рыбаков продолжает: «Расхождение в полтора столетия между Киевом и Новгородом нужно было объяснить». Но существует ли такое расхождение? Ответ на этот вопрос даст статистическое изучение киевских стеклянных браслетов, когда оно будет произведено. Пока что исследования М. К. Каргера говорят против такого расхождения. Он восемь раз упоминает о находках стеклянных браслетов в целом ряде жилищ XII—XIII вв.⁹ Упомянуты там еще четыре случая находок в слоях, датированных неточно (раскопки других археологов). Похоже, что в Киеве, как и в Новгороде, широкое распространение и начало местного производства стеклянных браслетов приходится на рубеж XI—XII вв. Но расхождение появится, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова (см. ниже).

Раскопки в других русских городах подтверждают ту же дату. Я не касаюсь здесь таких городов, как Тмутаракань и Белая Вежа. Там уже в слоях X—XI вв. стеклянные браслеты обильны. Русские города Причерноморья и Приазовья не отличались в этом отношении от нерусских городов тех же областей, где стеклянные браслеты вышеупомянутых византийско-черноморских типов распространились не позже X в.

Но ни в одной из русских земель нет пока доказательств бытования этих украшений раньше начала XII в. Иногда исследователи говорят

⁹ М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.—Л., 1958, стр. 296, 303, 304, 325, 326, 333, 346, 348.

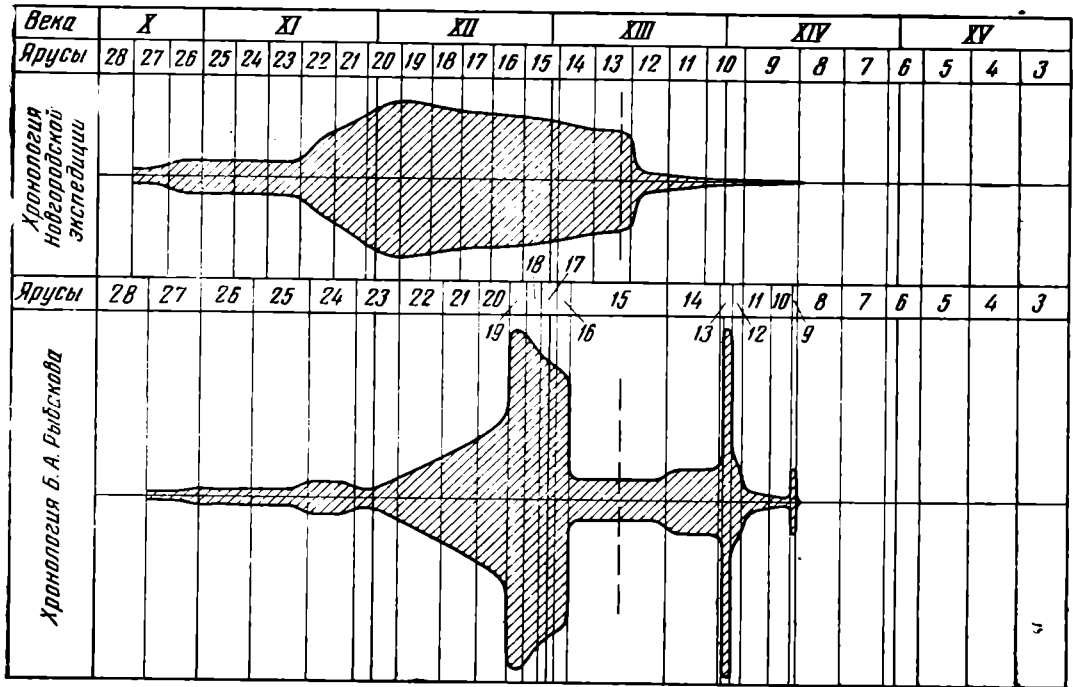


Рис. 4. Стратиграфия и хронология амфор.

суммарно об XI—XIII вв., но это лишь признак нерасчлененности слоя. В Старой Рязани стеклянные браслеты изобилуют в жилищах XII в. и отсутствуют в жилищах XI в.¹⁰ Можно привести и другие примеры.

Однако совершенно неожиданный эффект получится, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова. Нижняя дата стеклянных браслетов придется тогда не на конец X в., как он утвердил в своем графике, и не на рубеж XI—XII вв., как утверждает Новгородская экспедиция, а на конец XII в., что никак не может быть объяснено и действительно противоречит хронологии всех русских городов. Такая дата наглядно видна на прилагаемой диаграмме (рис. 3).

Теперь надо коснуться поздней даты Б. А. Рыбакова. Он довел стеклянные браслеты до конца XIV в. без всяких доказательств. Никто никогда не относил их (хотя бы в виде пережитков) к столь позднему времени. Дату эту он тоже использовал в своем графике, но она противоречит его хронологии, как видно на той же диаграмме.

Упомянутая диаграмма (рис. 3) поучительна и в другом отношении. Перед нами две кривые распространения стеклянных браслетов. Одна из них составлена по хронологии Новгородской экспедиции, другая — по Б. А. Рыбакову. Цифры, по которым они составлены, приведены выше. Первая кривая плавна и одновершинна; ясно видно, как эти украшения постепенно распространялись, затем довольно долго держались на достигнутом уровне и, наконец, начали, тоже постепенно, выходить из употребления. Другая кривая состоит из резких скачков вверх и вниз, каждый из которых легко объясняется, но лишь стремлением автора привязывать хронологию к пожарам. Почему, например, в начале XIV в. браслетов у него стало на несколько лет в 18 раз больше, чем в XIII в.? Только потому, что он увлекся здесь очередными пожарами. То же можно сказать о других зубцах кривой. Ясно, какая из двух кривых соответствует нормам вариационной статистики.

Столь же показательное построение подобных кривых для киевских амфор (рис. 4). На кривой, составленной по Б. А. Колчину, ясно видно, что ввоз амфор в Новгород, постепенно нарастая, достиг максимума в

¹⁰ А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 41—61.

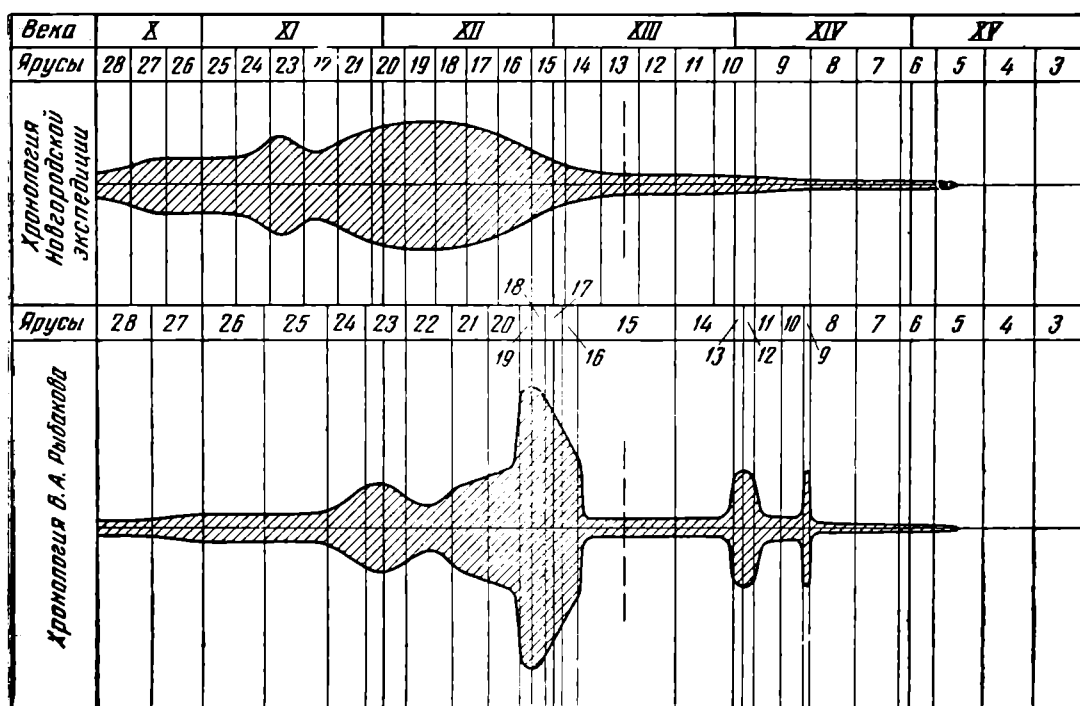


Рис. 5. Стратиграфия и хронология шиферных пряслиц

начале XII в., во время наивысшего расцвета Киева. Затем он, слегка сокращаясь, держался на высоком уровне до разрушения Киева монголами в 1240 г. После этого амфоры в Новгороде не сразу исчезли, некоторое их количество хранилось в погребах до XIV в. Но число их в середине XIII в. сократилось катастрофически, что исторически закономерно. Кривая, составленная по Б. А. Рыбакову, говорит сама за себя своими причудливыми очертаниями. Все зубцы здесь опять связаны только с пожарами. Приведу цифры распределения амфор. Оговорюсь, что подсчитаны не обломки, а сосуды, от которых эти обломки дошли.

Яруссы	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й	17-й	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й
Число	4	7	8	11	8	22	31	39	40	36	36	34	35	33	30	7	4	2	3

Для шиферных пряслиц контрасты между кривыми те же самые (рис. 5). Причины те же, повторяться не буду. Цифры таковы:

Яруссы	28-й	27-й	26-й	25-й	24-й	23-й	22-й	21-й	20-й	19-й	18-й	17-й
Число	30	52	61	64	71	110	71	117	125	128	128	115
Яруссы	16-й	15-й	14-й	13-й	12-й	11-й	10-й	9-й	8-й	7-й	6-й	5-й
Число	92	56	38	22	22	25	18	14	10	7	6	6

Для многих вещей хронология Б. А. Рыбакова ведет к грубому искажению их общепринятых дат. О таком искажении для калачевидных кресал речь уже была. Но возьмем стеклянные лимоновидные бусы. Б. А. Рыбаков ввел в свой график их правильную дату: до начала XI в. включительно. Однако фактически по его хронологии, как показано на прилагаемой диаграмме (рис. 6), эти украшения захватывают весь XI в. и даже начало XII в., что совершенно невозможно. Широко известны эти бусы (похожие формой и цветом на лимоны), столь обильные в X в. на всем пространстве от Прибалтики до Урала. Дата их твердо установлена разными исследователями. Нет места перечислять многие могильники X в., где эти бусы обычны. Приведу в виде примера распределение таких бус именно в курганах Новгородской земли. Их нет среди десятков тысяч бус из многочисленных курганов Водской пятины, датированных XI в. и позже. Зато в курганах Приладжья в трупосожжениях IX—X вв. это —

самые частые бусы¹¹. После раскопок 1951 г. я в подтверждение дат мог сослаться лишь на пять находок таких бус в Новгороде. Теперь их уже 321 (см. выше цифры, положенные в основу прилагаемой диаграммы).

Арбалеты распространились во всей Европе, как известно, в первой половине XII в. А. Ф. Медведев показал, что в Новгороде арбалетные стрелы встречаются с 17-го яруса, т. е. с середины XII в.¹² Если мы при-

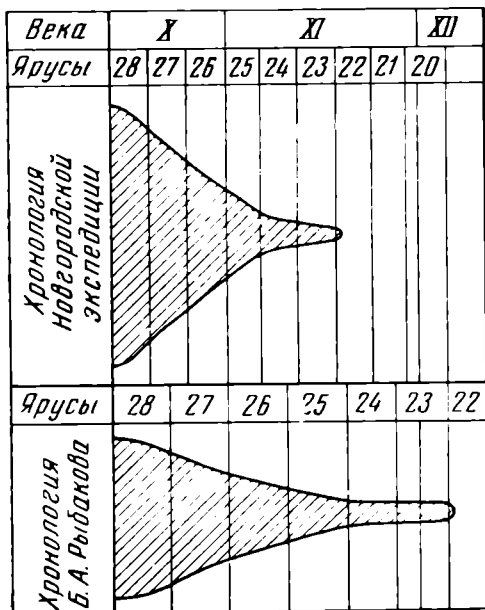


Рис 6. Стратиграфия и хронология лямонovidных бус

рмы¹³. Проверка дат производится здесь по западноевропейским рисункам, и главным образом по скульптурным надгробиям королей и рыцарей, где шпоры обычны, а даты точны. В X—XIII вв. во всей Европе бытовали шпоры с шипом. В X—XII вв. они горизонтальны, в XII—XIII вв. изогнуты. Новгородские находки дают в точности те же даты. В XIV—XV вв. всюду господствуют шпоры со звездочкой. В новгородских слоях этих веков все шпоры именно таковы. Хронология Б. А. Рыбакова уничтожила бы эти соответствия.

Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами. Археологический материал никак не укладывается в хронологию Б. А. Рыбакова. Но приведенных примеров хватит.

Иногда Б. А. Рыбаков не замечает, что одно его возражение плохо ладит с другим. Можно привести пример по курганам вятичей. Б. А. Рыбаков сначала говорит, что для украшений «надо учесть возможность передачи их по наследству» (стр. 89). А несколькими строчками ниже берется под сомнение датировка вятических семилопастных височных колец на том основании, что кольца, изготовленные в одной литейной форме, оказываются в курганах разных хронологических стадий. Приведены два примера. «Значит сама схема требует еще дополнительной работы и уточнений», — резюмирует Б. А. Рыбаков (стр. 90). Я не защищаю свою старую работу «Курганы вятичей», а о ней здесь идет речь. Мне через 30 лет ясно видны ее недостатки. Все же, особенно после разъяснений Б. А. Рыбакова отно-

¹¹ Н. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. СПб., 1895, стр. 150. См. также в архиве ИА АН СССР отчеты А. М. Линевского.

¹² А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. МИА, № 65, 1959, стр. 154.

¹³ А. В. Арциховский. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде. СА, 1958, № 2, стр. 228—230.

сительно переживания женских украшений, не вижу ничего странного в этих кольцах, изготовленных в одной форме. Уж не полагает ли Б. А. Рыбаков, что приобретение височных колец у того или иного мастера влекло за собой обязательную и скоростижную смерть всех его покупателей, и все три, а во втором случае четыре височных кольца должны были оказаться в земле на другой день после их изготовления. Если мастера, делавшие эти кольца, жили во второй половине XII в., то некоторые покупатели могли умереть тогда же, а другие — в первой половине XIII в. Учитывая подсказанную самим Б. А. Рыбаковым возможность передачи украшений по наследству, не вижу противоречий и в единичной находке кольца XII в. в кургане XIV в. Это не стеклянная бусина, а прочная вещь. В моих курганных датах можно найти ошибки, но не этим способом.

Своеобразно отношение Б. А. Рыбакова к печатям. В статьях В. Л. Янина уже показано, что некоторые печати попали в землю значительно позже даты своего изготовления. Б. А. Рыбаков хочет превратить это в общее правило. Его удивляют те печати, даты которых совпадают с установленными Б. А. Колчиным датами ярусов, где эти находки сделаны. Б. А. Рыбаков думает, что всякая печать хранилась долго. Между тем так ли безнадёжны для стратиграфических дат хронологические показания печатей? Рассмотрим некоторые цифры. В 1951—1954 гг. (ограничиваюсь теми же материалами, которыми пользовался Б. А. Рыбаков) в процессе раскопок была обнаружена 41 печать¹⁴. Из них 31 печать датирована методами сфрагистики, т. е. независимо от условий залегания в слое, 10 печатей датированы стратиграфически. В числе 31 печати 16 по своим датам соответствовали датам тех ярусов, в которых они залегали, 15 к моменту их потери были уже старыми, т. е. утерянными спустя долгий срок после их употребления при грамоте. Б. А. Колчин указывает 22 печати с совпадающими датами, так как сюда он включил 6 товарных пломб рубежа XI—XII вв. (эти родственные печатям пломбы бытовали недолго).

Однако из 16 совпадений 12 относятся к слоям 3-го — 8-го ярусов, с датировкой которых Б. А. Рыбаков согласился. Итак, действительные расхождения между ним и Новгородской экспедицией составляют не 22 печати, а 4. Б. А. Рыбаков пишет: «Нигде не доказано, что печати обязательно должны были выбрасываться немедленно по получении документов» (стр. 91). Вот в каком нелепом виде он изображает взгляды своих оппонентов. Об обязательности уже сказано, а немедленного выбрасывания тоже никто, конечно, не предполагал ни для одной печати. В слоях 3-го — 8-го ярусов, датируемых (и Новгородской экспедицией, и Б. А. Рыбаковым) с середины XIV по конец XV в., за рассматриваемое время было найдено 16 печатей. И из этого числа 12 имеют даты, совпадающие с датами ярусов. Вывод ясен. В числе документов с печатями существовали не только акты, подлежащие длительному хранению, но и акты преходящего, узко временного значения. Не говорю о возможных случайных потерях. Кажется бы, что эти наблюдения должны оказать помощь и при осмыслении материала, обнаруженного в более ранних слоях, датировка которых провозглашена Б. А. Рыбаковым спорной. В этих ранних слоях в числе 15 печатей с точными датами оказалось всего 4 печати, даты которых соответствуют тем ярусам, из которых они извлечены. Однако Б. А. Рыбаков чисто умозрительным путем пытается убедить читателя, что все грамоты с вислыми печатями обязательно должны были храниться века, как об этом свидетельствует «ряд грамот с вислыми печатями» XVII—XIX вв., что «княжеские печати XI—XII вв. скрепляли важные правительственные акты, феодальные привилегии, земельные права и т. п.» (стр. 91).

Ссылка на вислые печати XVII—XIX вв. понятна. Б. А. Рыбаков пытается сблизить княжескую печать XI—XII вв. с вислой печатью дипломов

¹⁴ В. Л. Янин. Вислые печати из новгородских раскопок. МИА, № 55, 1956.

и патентов позднейшего времени и противопоставить ее печати XIV—XV вв. Однако какими же печатями, если не княжескими, скреплялись в домонгольское время обычные рядовые документы? Ведь не менее 90% вислых печатей этого времени принадлежит к кругу княжеской сфрагистики. Это громадный фонд в несколько сот экземпляров XI—XII вв., ничуть не меньший, чем вся совокупность посадничьих, владычных, тысяцких, тиунских и других печатей XIV—XV вв. Б. А. Рыбакову не удалось доказать, что между печатью XI—XII вв. и печатью XIV—XV вв. лежит коренная противоположность.

Когда В. Л. Янин при обсуждении доклада указал Б. А. Рыбакову, что даты печатей совпадают у нас не столько с датами ранних ярусов (как думал Б. А. Рыбаков), сколько с датами поздних, тот сначала заявил, что печати XIV—XV вв. были многочисленнее и ими меньше дорожили. Когда и это было опровергнуто В. Л. Яниным, Б. А. Рыбаков стал искать новые доводы. Теперь он пишет: «Только в XIV—XV вв., когда на территории Неревского раскопа жили сами посадники, отношение к документации стало иным и печати могли быстрее попадать в слой» (стр. 91). Получается, что посадники отличались особо легкомысленным отношением к документации и, упиваясь своей властью, расшвыривали направо и налево печати. У нас нет никаких оснований утверждать, что они выбрасывали чужие грамоты, попадавшие к ним в руки, так же как нет оснований думать, что документы, принадлежавшие лично посадникам, меньше ценились ими, чем другими владельцами документов.

Вниманию читателя предлагаются на таблице два варианта стратиграфической хронологии печатей, найденных в 1951—1955 гг. (рис. 7). Надо только отметить, что включенные в нее печати из раскопок 1955 г. (№№ 47—54) не вошли в вышеприведенную статистику. Они теперь тоже изданы и подтверждают те же выводы. Вообще же после 1954 г. при раскопках было обнаружено 18 печатей, которые ни в одном случае не вступили в противоречие с хронологической схемой Новгородской экспедиции.

В иных случаях документ, даже значительный, мог исчерпать свои возможности чрезвычайно быстро. В частности, вопреки Б. А. Рыбакову, надо подчеркивать совпадение даты печати посадника Захарии (1161—1167 гг.) с датой 17-го яруса (50—60-е годы XII в., по Б. А. Колчину), где эта печать была обнаружена в 1956 г. Посадник Захария был казнен новгородцами в 1167 г. как изменник, и вряд ли его распоряжения могли сохранять силу после его казни.

Нужно отметить две важные находки, по поводу которых никак не может возникнуть мысль об отставании дат. Имею в виду две трапециевидные подвески, одна из которых несет знак Владимира I, другая — знак Ярослава Мудрого. Это точное повторение известных знаков монет Владимира и Ярослава. Подвески всеми исследователями, в том числе и Б. А. Рыбаковым, признавались знаками княжеских доверенных лиц. Следовательно, они сохраняли значение лишь до смерти князя. Подвеска со знаком Владимира (умер в 1015 г.) обнаружена в 25-м ярусе, который, по шкале Б. А. Колчина, датируется первой четвертью XI в.; подвеска со знаком Ярослава (умер в 1054 г.) — в 23-м ярусе, датированном по той же шкале серединой XI в. Совпадения действительно поразительные. Что касается шкалы Б. А. Рыбакова, то в ней подвеска со знаком Владимира попадает в слои середины XI в., а подвеска со знаком Ярослава — в слои рубежа XI—XII вв.

Б. А. Рыбаков интересуется расхождениями моих археологических дат берестяных грамот с датами, которые дают лингвисты. Но таких разногласий он мог указать очень мало, всего семь. Напомню, что лингвистами комментированы все грамоты №№ 1—194.

В свою соответствующую таблицу Б. А. Рыбаков включил восемь грамот, но одну из них, № 69, по ошибке. Я, по его словам, отношу ее к XII в., а лингвисты — к XII—XIII вв. (он относит к XIV в.). В действительности

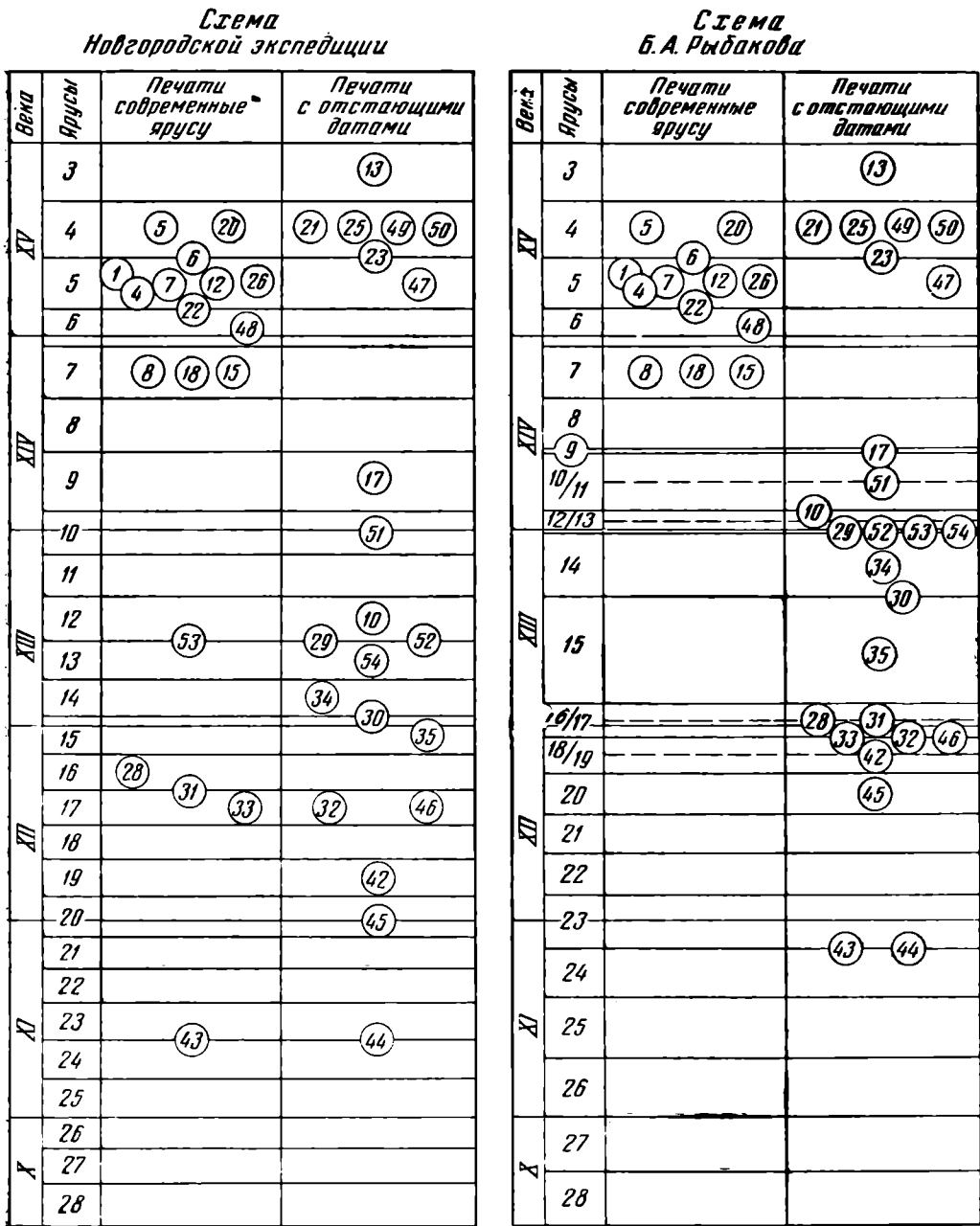


Рис. 7. Стратиграфия и хронология печатей (в кружочках стоят номера печатей)

я говорю, что она палеографически относится к XII в., а стратиграфически — к XIII в.¹⁵ Спор ведь у нас с Б. А. Рыбаковым идет о стратиграфических датах.

Малое число неизбежных разногласий скорее говорит о совпадении археологических и лингвистических дат. Затем для XI—XII вв. лингвистические даты основаны на слишком малочисленных наблюдениях. От этих веков дошло мало пергаменных рукописей. Палеографические даты для этого периода надежнее, хотя они основаны на тех же рукописях. Ведь любая буква представлена в них гораздо чаще, чем любое слово. Для устранения элемента случайности всякие научные выводы должны иметь свои статистические основания. Для стратиграфических, как и для палеографических дат, статистические основания обильны.

¹⁵ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., 1954, стр. 72.

Б. А. Рыбаков подчеркивает, что все эти семь грамот я отношу к XII в., а лингвисты к XIII в. Но ведь для XIII в. различия между хронологией Б. А. Рыбакова и моей еще больше, чем для XII в. Однако для грамот XIII в. ни одного расхождения с лингвистами Б. А. Рыбаков указать не мог, ни одну из них лингвисты не относят к XIV в. В связи с этим стоит вспомнить, что лингвистические даты для XIII в. уже обоснованы статистически, будучи основаны на многих пергаменных рукописях. Во всяком случае, отсутствие лингвистических поправок к моим датам XIII в. не может быть объяснено, если мы примем хронологию Б. А. Рыбакова.

Наш критик упрекает меня в том, что я не коснулся палеографии грамот Онфима ни в статье о них, ни в выступлении по докладу 3 марта. Но в предварительных публикациях я никогда (за недостатком места) не даю палеографической аргументации; она дается при полных изданиях. В выступлении по докладу Б. А. Рыбакова 3 марта мне и без того пришлось слишком много говорить о формах букв, опровергая палеографические аргументы докладчика. А их тогда было много. Он назвал ряд букв, якобы характерных у Онфима для XIII в. Я показал тогда, что все указанные им аналогии неверны.

Думаю, что это мое выступление было полезным, прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку теперь он убрал свои палеографические аргументы. Он оставил, правда, ссылки на рукописи (договор 1265 г., Кормчая 1282 г. и т. д.), откуда он тогда эти буквы брал. Но ведь в палеографии всегда надо ссылаться не на рукописи (если речь не идет об общих пропорциях, чего здесь нет), а на определенные формы букв. Рукопись содержит сотни или тысячи или даже сотни тысяч знаков. Надо знать, что имеет в виду палеограф. Я готов печатно повторить свои возражения, но едва ли имею право, поскольку буквы не названы. Одна ссылка на букву все же осталась. Б. А. Рыбаков говорит, что десятиричное «i» с перекрестием встречено на бересте не только у Онфима, но и в трех позднейших грамотах (стр. 98). Кажется, он думает, что это поздний признак. Но на пергамене эта форма известна с XI в.¹⁶ Нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже. Она и слишком редко встречается для обоснования подобных выводов. Нет ничего удивительного, что она держалась до XIV в., ее можно найти и позднее. Таких долговечных форм палеография знает много.

Но надо здесь все-таки дать палеографический разбор букв Онфима. Петли «б», «ъ», «ь» и т. п. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв.¹⁷ Верхние части «в», «к», «ж» еще не сокращены, это говорит о тех же веках¹⁸. Несколько раз в три приема написано «ж», что типично для XI—XII вв.¹⁹ Середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI в., а для XII в. лишь пережитком²⁰. Характерно и «ч», оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв.²¹ Наконец, отмечу одну форму, встреченную лишь на бересте, а именно «р» в виде тросточки. Я в печати уже описал эту букву, отметив, что она попадает только в ранних слоях²². Вопрос о хронологии новгородских слоев не имеет тут

¹⁶ Н. М. Каринский. Образцы письма древнейшего периода русской книги. Л., 1925, табл. 14.

¹⁷ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 102; Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 241.

¹⁸ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 104; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 241.

¹⁹ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 102; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 156; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 188.

²⁰ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 100; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 200.

²¹ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 103; Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 158 и 241; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 202.

²² А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, стр. 53.

значения, поскольку все другие грамоты с таким «р» старше, чем грамоты Онфима.

Среди основных известных в палеографии признаков XI—XII вв. нет, таким образом, ни одного, который не был бы встречен у Онфима. Конечно, в палеографии общепризнано, что любая ранняя форма может в виде исключения встречаться в поздних рукописях. Но здесь при таком обилии ранних признаков нет ни одного позднего. Ранняя дата подтверждена и тем, что ни Б. А. Рыбаков, ни М. В. Щепкина не смогли указать у Онфима ни одного признака XIII в.

Напрасно Б. А. Рыбаков говорит теперь: «Я не буду останавливаться на палеографии, так как это уже сделано М. В. Щепкиной, отнесшей почерк Онфима ко второй половине XIII в.» (стр. 98). Следует лишь ссылка на ее выступление 3 марта. Но ведь М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы. Она только сослалась голословно на некоторые (немногие) рукописи, а такие ссылки, как я уже говорил, не поддаются даже проверке.

Итак, палеография позволяет датировать грамоты Онфима не позже XII в., а стратиграфической датой является рубеж XII—XIII вв. Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, Б. А. Рыбаков позволил себе поместить «палеографию комплекса грамот Онфима» в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию.

Подробно моя палеографическая аргументация по грамотам №№ 1—194 излагается в ряде томов, где эти грамоты изданы. Б. А. Рыбаков коснулся почему-то лишь грамоты № 147. Он считает, что я напрасно упоминаю там два ранних признака: «щ» с хвостиком, не выходящим за строку, и перевернутое «ю». Но я обязан был упомянуть эти признаки, поскольку авторитетные палеографы (ссылки на них я даю) считали их архаичными. Однако я при издании этой грамоты № 147 пишу, что эти формы «являются здесь, по-видимому, лишь пережитками». Дальше сказано: «Против столь ранних дат здесь говорят уже несколько набухшие петли «в», а также орфография»²³. Смысл, таким образом, прямо противоположен тому, который ищет у меня Б. А. Рыбаков. Он говорит также, что обе формы известны на бересте и позднее. В виде исключений это всегда возможно. Да и примеров Б. А. Рыбаков привел слишком мало: два для «щ», один для «ю» (в ранних грамотах эти формы встречаются довольно часто). Последняя ссылка неверна, в грамоте № 142 нет такого «ю». Палеографические даты грамот важны, как проверка стратиграфических дат. В науке, во всякой науке, ценна взаимная проверка выводов, полученных разными способами. Более ранние (по форме букв) грамоты всегда залегают в ранних ярусах, более поздние — в поздних. Это, наряду с типологией археологических находок, лучше всего доказывает, что наш ярус не «фикция», как склонен считать Б. А. Рыбаков. Но этого мало, с нашей хронологией совпадают и абсолютные даты букв, подобно абсолютным датам вещей. Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями. Вероятно, там имеются ошибки, но мой критик даже не пытается эти палеографические аргументы опровергнуть.

Б. А. Рыбаков начал пересматривать новгородскую хронологию лишь после того, как прочитал по-своему дату Онфима в грамоте № 206.

Спор идет о двух буквах, которые стоят на месте сотен и на месте десятков. Первая буква «ч». Оно бокаловидное, обычное (у Онфима оно всегда такое). Пси здесь нет, поэтому Б. А. Рыбаков предположил, что оно исчезло под трещиной. Исчезла под трещиной одна линия, самая нужная, все остальные сотни линий этой грамоты целы. Да она и не могла исчезнуть. Ведь трещина тонка и зигзагообразна, гораздо тоньше, чем линии Онфима. Следы прямой линии все равно были бы заметны. Это осо-

²³ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Ук. соч., стр. 25—26.

бенно хорошо видно на макрофотографии. Б. А. Рыбаков говорит здесь о фотографии 1956 г. Однако и там эта черта является трещиной, резко отличающейся по фактуре от всех линий.

На месте десятков стоит буква «с», совершенно не похожая на «о» (рис. 8.). Здесь никто не читал и не читает «о»: ни М. Н. Кислов, ни вообще кто бы то ни было, кроме Б. А. Рыбакова. В связи с нашей полемикой сделаны макрофотографии всех «с» и всех «о» из грамот Онфима. Различие очень четкое, что видно на издаваемых образцах. Правая часть буквы, как у всех «с» Онфима, состоит из двух линий, расположенных не на одной оси. Обе они, особенно нижняя, выходят за черту левой части. Получается прямолинейное отчеркивание нижнего края особым штрихом. Для «с» у Онфима это обязательно, а у «о» никогда не встречается. Все «о» у Онфима являются простыми овалами и иногда почти кружками. И напрасно Б. А. Рыбаков говорит: «Примеры таких дефектных «о» есть у Онфима». Он издал два примера, сходства никакого. В обоих этих случаях овалы «о» просто не сомкнулись в основании. Все признаки «с» тут отсутствуют, а в букве из даты они имеются все.

В полемике Б. А. Рыбаков выдвигал ряд доказательств того, что перед нами не «ч», а пси, не «с», а «о». Теперь он все эти доказательства снял после выступлений М. Н. Кислова и моих и говорит просто: «нам снова остается решать по смыслу» (стр. 99). Но решать такие споры «по смыслу» значит решать их по своему предвзятому суждению. Онфим, по словам Б. А. Рыбакова, «едва ли мог допустить две грубые ошибки, и в знаке сотен, и в знаке десятков» (стр. 99). Однако он их допустил. Это был маленький мальчик. Неизвестно, успел ли он выучить цифры больше десяти, но, во всяком случае, дал при попытке написать дату случайный набор букв. Будь ошибка одна, еще можно было бы (да и то с оговоркой) дать реконструкцию по смыслу; одну ошибку мог сделать и взрослый. Но две ошибки делают всякую реконструкцию произвольной. Однако Б. А. Рыбаков позволил себе поместить «год, написанный на грамоте № 206», в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию.

Б. А. Рыбаков советует Новгородской экспедиции «зондажные раскопки на месте древних церквей». Да, строительные прослойки древних каменных зданий дают нам надежные даты (чего нельзя сказать о слоях пожаров). Две церкви называет Б. А. Рыбаков: Кузьму и Демьяна на Холопьевой улице и Савву (стр. 83). Зондажные раскопки на месте Кузьмы и Демьяна производить нельзя. На этом месте в XVIII в. воздвигнута Тихвинская церковь (ПСРЛ, III, 278). Это здание, сильно перестроенное в XIX и XX вв., стоит донныне. Конечно, поиски древних строительных прослоек там возможны (хотя и очень затруднены поздним строительством). Но между раскопом и этой церковью находится древний холм, где толщина культурного слоя ничтожна. Провести через этот холм горизонты, связующие строительную прослойку с ярусами нашего семиметрового слоя, невозможно. Да и современная застройка мешает. Затем Б. А. Рыбаков не говорит, что церковь Кузьмы и Демьяна до XIV в. была деревянной. Она стала каменной лишь в 1360 г. (ПСРЛ, III, 227, IV, 59). Для наших споров с Б. А. Рыбаковым прослойка этого года безразлична, вель для этого времени споров уже нет. А поиски деревянных строительных прослоек возле каменных церквей надо признать ненадежным делом. Они не могут быть отличены от прослоек соседних изб, поскольку не могут быть привязаны к самой деревянной церкви, следов которой нет. Церковь Саввы, как пишет сам Б. А. Рыбаков, стала каменной лишь в 1416 г.

Уцелевшие церкви далеки. Были в Неревском конце и другие древние церкви, но их точные места неизвестны, а стремление обязательно дотянуть до них раскоп потребовало бы многомиллионных расходов. Да и едва ли оно оправдалось бы. Церкви обычно стояли на местах, которые в древности были высоки; о возникающих при этом стратиграфических неудобствах уже сказано. На этих местах из-за относительной сухости



Рис. 8. Макрофотографии букв

1 — буква «с» из так называемой даты, грамота № 206; 2 — буква «с» из слова «пасо», грамота № 206;
3 — буква «о» из слова «насо», грамота № 206; 4 — буква «с» в складах («си» после «ри»), грамота № 199

скудны находки и маловероятны грамоты, чем пренебрегать нельзя. Наконец, вокруг церквей изобилуют погребения, которые могут (хотя и не обязательно) сделать стратиграфические розыски невозможными. Конечно, церкви важны сами по себе, но в Новгороде и так можно любоваться многими прекрасными целыми церквями всех эпох.

Затем Б. А. Рыбаков говорит о значении дендрохронологического анализа. Да, дендрохронология в будущем будет давать точные абсолютные даты. Но пока что она ни в Европе, ни в Азии еще не дает этих дат; другое дело Америка, где ботанические условия для создания хронологических шкал особо благоприятны. Новгородская экспедиция поэтому считала эту работу не первоочередной. Теперь дендрохронологические анализы производятся. Они дадут если не абсолютные даты, то хотя бы разницы в возрасте между ярусами, что поможет решить возникший спор.

В стороне от основного спора лежит вопрос о древнейшем Новгороде, тоже поставленный Б. А. Рыбаковым. Он согласен, что слоев IX в. на Славенском холме, Ярославовом дворище и в Неревском конце нет. Дальше он говорит: «Но уже относительно Детинца можно сомневаться, так как раскопки там велись в очень ограниченных размерах» (стр. 195).

Это основано на неосведомленности. Лично я в Детинце (Новгородском кремле) не работал никогда, но другие археологи там копали, притом, что важно, во всех его частях. Довоенные раскопки никак нельзя считать «очень ограниченными». А. А. Строков вскрыл тогда в Детинце 1882 м². После войны А. Л. Монгайт вскрыл там 118 м² и в последние годы М. Е. Алешковский 248 м². Во всех случаях я отбрасываю чисто архитектурные шурфы. Все подсчитанные здесь раскопы дошли до материка. Однако нигде в Детинце не обнаружены слои IX в. Мало того, слои X—XI вв. там гораздо тоньше, чем в других частях Новгорода, что отмечено всеми названными исследователями.

Но вернусь к основному вопросу, к хронологии ярусов. О хронологических ошибках Б. А. Рыбакова выше речь была много раз. Однако его критика принесла некоторую пользу. Он верно указал на чрезмерную удовлетворенность хронологией, которая царил в Новгородской экспедиции. Мои и Б. А. Колчина заявления по этому вопросу, цитируемые Б. А. Рыбаковым, действительно неудачны. Хронология всегда нуждается в новых и новых уточнениях.

Поправки будут, а затем изучение дендрохронологии или палеоманетизма проверит когда-нибудь даты. И тогда мы с улыбкой будем вспоминать ожесточенность теперешней хронологической полемики.

Своей статье Б. А. Рыбаков дал длинное название «К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей». Судя по названию, можно было ожидать попыток дать особо точные методические приемы. Но все сводится к выписыванию летописных дат пожаров и к безнадежным усилиям связать эти даты с пожарищами. Хронология Б. А. Рыбакова основана только на этих усилиях. Проверить ее научными методами ему не удалось.